

ПРАВИЛА *его* ИГРЫ

— Роман Кубов —

Роман Кубов

Правила его игры

<https://litres.ru/74431202>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Зимина привыкла верить словам.

Пять лет брака с Марком, партнёром венчурного фонда, казались ей крепостью - пока в февральскую ночь не зазвонил забытый мужем телефон. Сообщение от Насти, которую Вера сама вырастила и отпустила в большое агентство, переворачивает всё: роман длится с лета, а в чужих чатах всплывает название тендера, ради которого Вера не спит ночами.

Она не устраивает скандал. Она учится молчать, наблюдать и считать ходы - сначала ради дела, потом ради себя. А рядом оказывается Демьян Волков, старший партнёр мужа: человек, привыкший контролировать каждую мелочь и промолчавший о том, что видел, потому что чужие тайны не рассказывают.

Двое уставших от лжи встречаются на переплетении деловых договоров и недосказанности. Вере предстоит решить, чем заплатить за правду, а Демьяну - научиться спрашивать, а не решать.

Сможет ли она снова поверить мужчине на слово?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Возвращение	11
Глава 2. Ужин	21
Глава 3. Стекло	32
Глава 4. Сделка	41
Глава 5. Заявка	50
Г	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Роман Кубов

Правила его игры

Пролог

В двадцать три сорок Вера выключила ноутбук и поняла, что за весь вечер не выпила ни глотка чая. Кружка остыла, пакетик так и лежал на блюдце, а презентация для "Каскада" - черт бы побрал этот тендер - расплзлась перед глазами на строчки, которые она уже переписывала трижды.

Она потянулась, услышала, как хрустнула шея, и посмотрела на часы. Через три с половиной часа будильник. Через два дня дедлайн. Через неделю - питч, ради которого студия бросила два других проекта, согласовала сдвиг сроков с тремя клиентами и уговорила Толю не уходить в отпуск.

Телефон на подзарядке у окна тихо звякнул. Вера не обернулась: она ждала сообщение от Светы с правками по смете, и Света всегда писала дважды, если дело срочное.

Она заварила новый чай, вернулась к столу и только тогда увидела, что звякнул не её телефон.

Маркин. Чёрный, в кожаном чехле, который она подарила ему на прошлый Новый год. Он забыл его дома, уезжая в аэропорт: в понедельник улетел в Тбилиси, а телефон остался лежать на подзарядке, будто специально, будто кто-

то очень аккуратный разложил пасьянс.

Вера взяла трубку. Экран горел уведомлением, и от того, что она прочитала первой строчку, у неё внутри всё остановилось - нет, не остановилось. У неё внутри всё продолжило идти, как шло, а мир вокруг сделался тонким, как яичная скорлупа, и таким же хрупким.

"Люблю. Скучаю. Завтра всё скажу ему."

Отправитель: Настя К.

Вера стояла посреди кухни в носках, в старой футболке с логотипом "Акцента", который она сама придумала восемь лет назад, и держала в руке чужой телефон. За окном светилась башня "Москва-Сити", внизу шуршала Пресненская набережная, а в груди у неё медленно, по кирпичику, разбирали дом, в котором она жила пять лет.

Настя К. Настя Кузнецова. Двадцать семь лет. Длинные волосы, которые она собирала карандашом в пучок, когда работала у Веры стажёркой, а потом ассистентом, а потом младшим продюсером. Та самая Настя, которой Вера показывала, как собирать смету, как разговаривать с заказчиками, как не плакать на площадке, если свет падает не так. Та самая Настя, которую Вера отпустила в "Штрих" в мае, с гордостью и лёгкой грустью, написав ей длинное напутствие, которое Настя, кажется, даже не дочитала.

Настя К. Сейчас она была в телефоне Марка, и её последнее сообщение висело на экране, тёплое, короткое, как удар под дых.

Вера не помнила, как разблокировала телефон. Код она знала: Марк сам сказал ей его три года назад, когда они лежали в Сочи и он попросил проверить навигатор. "На случай, если я потеряю трубку, солнышко". Она ни разу им не воспользовалась. Ей нечего было проверять, и она гордилась этим, гордилась тем, что они из тех пар, где нет паролей, а есть доверие.

Переписка открылась с последнего сообщения, и Вера села на табуретку, потому что ноги перестали её держать.

"Люблю. Скучаю. Завтра всё скажу ему."

Ответа не было. Марк был в Тбилиси, у него был переговорный день, он отчитывался ей вчера вечером фотографией ужина: хинкали, тёмное пиво, "устал как собака, солнышко, обожаю вас с Барсиком". Барсик был котом. Кота звали Барсик, потому что Вера в детстве мечтала о собаке, а Марк сказал: "Кот проще, заведём кота". Она тогда согласилась. Она тогда соглашалась почти на всё, потому что любила и потому что это было удобно - соглашаться с Марком.

Она пролистнула выше. Чат начинался не вчера и не на прошлой неделе.

Он начинался в августе.

Вера листала медленно, и каждая неделя отзывалась в ней узнаванием: вот эти выходные Марк провёл "с партнёрами по гольфу", а в переписке был номер загородного клуба и "жду тебя в лобби". Вот эта среда он "ужинал с инвесторами", а в чате - адрес ресторана на Патриарших и "закажи мне

то же, что себе". Вот этот четверг она лежала с температурой, а он "не мог уйти с совещания", и Настя писала ему: "она болеет, а ты со мной", и он отвечал: "так надо, малыш, потерпи".

Малыш. Он никогда не называл Веру малыш. Он называл её солнышко, умница, моя девочка. Малыш была у Насти.

Вера дошла до февраля. Двадцать четвёртого, в день, когда Марк улетел в Тбилиси, Настя написала: "Завтра всё скажу ему. Я больше не могу делить тебя". Марк ответил не сразу, через сорок минут: "Не дури. Дай мне закрыть сделку". Настя: "Я не про сделку. Я про нас. Я хочу, чтобы ты ушёл от неё". Марк: "Насть, ты же понимаешь, это сложно. Столько лет, бизнес, родители".

Дальше шло то, от чего у Веры перехватило дыхание, - не любовное, а рабочее.

Двадцать пятого февраля, вчера, в одиннадцать вечера, когда Вера принимала душ и оставила на кухонном столе распечатку черновика заявки для "Каскада", Марк написал Насте: "Скинул на почту. Концепция и цена. Только не всё сразу, пусть подадут как свою". Настя ответила через минуту: "Мне страшно. Она же вложила в это душу". Марк: "Не начинай. Ты хочешь выиграть или хочешь пожалеть её? Выигрывай".

Вера перечитала это сообщение три раза. Потом она встала, налила себе воды, выпила, села обратно и перечитала ещё раз.

Она думала, что у неё есть враги где-то там, на рынке, в чужих агентствах, в чужих кабинетах. Оказалось, враг спал с ней в одной постели, знал код от её ноутбука, хвалил её лазанью и спрашивал, как прошёл день, и всё это время - всё это время - у него в телефоне была Настя К., и у Насти К. были её, Верины, концепция и цена.

Слёзы пришли не сразу. Сначала пришла странная, почти профессиональная ясность, как перед съёмкой, когда всё валится и надо решать, что спасать. Вера посмотрела на часы. Двадцать три пятьдесят восемь.

Она нажала на сообщение, выбрала "переслать" и отправила скриншоты себе. Потом ещё раз, для надёжности, на почту, в папку с пометкой, которую никто не поймёт, кроме неё. Она делала это медленно, пальцы не дрожали, и это её напугало больше всего: значит, решение уже было принято, где-то глубоко, без её участия.

Потом она стёрла следы пересылки, вернула телефон на подзарядку и поставила его ровно так, как он лежал: экраном вниз.

Марк всегда клал телефон экраном вниз.

Вера стояла над ним, смотрела на кожаный чехол и думала о том, что у неё есть неделя до дедлайна, две недели до питча и пять лет брака, который она только что прочитала, как чужую книгу, с чужими закладками.

Она могла позвонить ему сейчас. Устроить сцену, потребовать объяснений, разбудить маму, Алису, весь мир. Она

могла выть, бить посуду, рвать распечатку заявки, которая уже всё равно ушла чужой женщине на почту.

Она не стала.

Вера вернулась к столу, открыла ноутбук и начала переписывать презентацию с нуля: другую концепцию, другую оптику, другую цену, просчитанную так, чтобы её нельзя было украсть, потому что её ещё не существовало. Она работала до четырёх утра, и в четыре часа, сохранив файл под новым именем, она вдруг поняла, что плачет, - тихо, беззвучно, по-настоящему, впервые за много лет, и что слёзы эти не про тендер.

В семь утра пришло сообщение от Марка из Тбилиси.

"Доброе утро, солнышко. Как спалось? Целую. Люблю."

Вера прочитала его, поставила телефон на беззвучный и ответила не сразу, а через час, коротко: "Нормально. Удачного дня".

Она не написала "люблю". Впервые за пять лет она не смогла написать это слово человеку, который спал с ней в одной постели, потому что теперь она знала, кому он его пишет на самом деле, - и знала, что завтра Настя К. собирается сказать ему нечто такое, после чего её собственный, Верин, мир придётся собирать заново.

За окном светало. Над "Москвой-Сити" висело низкое февральское небо, по набережной бежали первые машины, а Вера сидела на кухне в носках и решала, как будет жить дальше, и первое, что она решила, было: молчать. Смотреть.

Считать.

Сначала тендер. Потом всё остальное.

Она не знала тогда, что "всё остальное" уже едет к ней в Москву, что оно сядет за её стол, будет хвалить её лазанью и спросит, верит ли она людям на слово, и что однажды ей придётся выбирать, кому из двух мужчин она поверит, когда оба будут молчать об одном и том же.

Но это потом. А пока - пока она просто сидела на кухне, слушала, как гудит холодильник, и привыкала к мысли, что её жизнь только что разделилась на "до" и "после", а граница проходит через чужой телефон с треснувшей от падения защитной плёнкой, который она подарила мужу на Новый год.

Глава 1. Возвращение

Он вышел из стеклянных дверей зоны прилёта первым, как всегда выходил первым, - улыбка, распахнутые руки, дорожная сумка через плечо. Четыре дня Вера репетировала эту встречу. Четыре дня, с той самой ночи на кухне, она собирала себя по кусочкам, как разбитую тарелку, и приклеивала обратно ровно те, что нужны для нормальной жизни: улыбку, голос, привычку спрашивать "как долетел". Она думала, что при виде него всё развалится, что она кинется на него с вопросами, со скриншотами, которые лежали в "Избранном" и жгли карман.

Ничего не развалилось. Он подошёл, обнял, пахнул аэропортом и своим одеколоном, тем самым, с две тысячи девятнадцатого, и сказал, что ужасно соскучился. Вера уткнулась носом ему в плечо и почувствовала, какая она сама себе чужая в этом объятии.

- Я тоже скучала, - сказала она, и это были единственные слова за вечер, которые не были ложью: скучала она по человеку, которого придумала, а не по тому, кто стоял перед ней.

Марк отстранился, заглянул ей в лицо. Вера на секунду испугалась, что он всё прочитает, но он смотрел не так, как смотрят, когда хотят прочитать: сверху вниз, привычно, как смотрят на вещь, стоящую на своём месте. Он не искал в её глазах ничего, потому что был уверен, что там ничего нет,

кроме любви к нему.

- Поехали домой, - сказал он и взял её под руку. - Ты бледная. Опять работала до ночи?

- Готовилась к тендеру.

- А, Каскад? - он сказал это легко. - Выиграешь, не сомневайся. Ты у меня гений.

В машине он рассказывал про Тбилиси: переговорная с видом на Метехи, стартап, который они смотрели, грузинская кухня переоценена, а вот вино - нет. Вера кивала и считала, сколько раз за сорок минут дороги он упомянет Настю. Ноль.

Дома он разобрал сумку и вручил ей коробочку с бархатным верхом. Серёжки, сапфировые, с мелкими бриллиантами, - она видела такие в витрине ЦУМа в декабре, сказала мимоходом, что красивые. Одна фраза - а он запомнил.

- Утром примерю, - сказала Вера. - Спасибо, милый.

Она поцеловала его в щёку и ушла в ванную, где долго стояла под горячей водой, глядя на свои руки. Руки дрожали, а плакать было нельзя: от слёз краснеют глаза, а она ещё не решила, сколько ей придётся врать.

Ночью Марк уснул быстро, разметавшись по кровати по-хозяйски, как всегда, на середине. Вера лежала на своём краю, на узкой полоске, которая оставалась ей все пять лет, и смотрела в потолок. Его телефон лежал на тумбочке экраном вниз. Он всегда его так клал.

В четыре утра она встала, прошла на кухню, открыла хо-

лодильник и долго смотрела внутрь, не видя продуктов. Потом села за стол и написала в заметках: "Не думать о ней. Думать о деле. Выиграть тендер. Потом решить". Перечитала и дописала: "Не плакать при нём. Не спрашивать. Смотреть".

Утром он ушёл в зал, а она сказала, что ей надо в студию, - и впервые за пять лет не почувствовала необходимости объяснять. Он и не спросил: чмокнул в макушку, сказал "к шести буду, приготовь что-нибудь, а?" и ушёл. Вера постояла в прихожей, слушая, как закрывается дверь, и поняла, что дышать стало легче. Не потому что он ушёл. Потому что она снова могла не играть.

В студии пахло кофе, монтажным цехом и Толиными кроссовками, которые он сушил на батарее с зимы двадцать третьего года. Света сидела с чашкой и таблицей на экране, Толя пил кофе у окна.

- Так, - сказала Вера, снимая пальто. - Садимся. Переделываем концепцию.

- В смысле? - Света поставила чашку. - Мы её две недели шлифовали. Ты сама говорила: это лучшее, что мы делали.

- Это было лучшее, что мы делали вчера, - ответила Вера. - Сегодня я хочу другое.

Она вывела на экран ночные наброски. Новая идея называлась "Возвращение": человек открывает дверь номера после долгого дня, бросает ключи на тумбочку, и город, который весь день молотил его о стены, отступает. Не "живите у нас красиво" - "возвращайтесь". Вера расхаживала по пе-

реговорке, показывала руками свет, окна, чайник, который закипает, когда ты ещё раздеваешься, и говорила: "Каскад" продаёт не номера, а момент, когда человек говорит себе: я дома. У них четыре отеля, четыре вида из окон, - есть что снимать.

- Мы не успеем, - сказал Толя без обиняков. - Дедлайн седьмого.

- Успеем. Я не спала, я придумала.

- Это я вижу, - сказал он и посмотрел на неё долгим взглядом, от которого захотелось отвернуться: Толя видел её насквозь ещё с тех пор, когда она плакала в туалете на первой площадке, а он молча подал бумажный платок и сказал: "Свет сегодня злой, не бери в голову".

- Хорошо, - сказала Света наконец, и в голосе её Вера услышала ту самую струну, по которой подруга всегда считывала её состояние, - давай смотреть, что ты наваяла. Но сначала скажи: ты ела?

- Ела.

- Врёшь.

- Ладно. Не ела. Но сначала - концепция.

- Слоган? - спросила Света.

- "Возвращайся. Тебя ждут".

- Это сильно, - Света посмотрела на неё, на Толю, снова на неё. - Но мы закопаем вчерашнюю концепцию, расписанную на двадцать страниц. Жалко. И ты объясни мне, что случилось за ночь: вчера ушла в шесть, довольная, как слон, сего-

дня приходишь с новой религией.

Вера открыла рот, чтобы сказать правду, и закрыла. Не здесь.

- Мне приснилось, что мы проиграли. Проснулась и поняла: так и будет, если не вывернем всё наизнанку.

- Из-за сна? - недоверчиво переспросила Света.

- Из-за сна, - твёрдо сказала Вера. - Я доверяю своим снам больше, чем чужим словам.

Она сказала это и сама удивилась, как ровно вышло, - фраза, которую неделю назад она не смогла бы произнести, потому что не знала, что она правда.

Работали до восьми. Толя ушёл первым - у него дочка, которую он забирает от бабушки по субботам, - а Света задержалась, ссылаясь на смету, хотя Вера знала: не из-за сметы. Света не умела уходить, когда у Веры было такое лицо, - так было с первого года, когда у Веры увели клиента, она ночевала в студии, а Света приносила гречку с котлетами и сидела рядом, пока Вера не поела.

- Вер, - сказала Света уже в пальто, у дверей. - Всё будет хорошо. Тендер твой. Ты лучшая.

- Я знаю.

Света хмыкнула, натянула шапку и ушла. Вера постояла в пустой студии, глядя на раскадровки новой концепции, приклеенные к стене, и сказала себе тихо, одними губами: "Тендер мой. Всё остальное - потом".

Дома пахло субботой и Маркиным ужином: он взялся го-

товить пасту, потому что она позвонила и сказала, что задержится, и он ответил, что не проблема, он сам, - и это было так по-марковски, так правильно, что у Веры на секунду защищало глаза, и она почти поверила, что всё это ошибка, что той ночью ей приснился чужой телефон с чужими сообщениями.

Паста была пересолена. Марк смущённо развёл руками.

- Соль два раза положил. Задумался.

- О чём?

- О тебе, - он сел напротив, и вид у него был самый безмятежный на свете. - Слушай, ты в последнее время слишком много работаешь. Каскад, Каскад, Каскад. А давай в марте слетаем куда-нибудь? В Рим, а? Ты же хотела в Рим.

- Давай. После тендера.

- Умница, - сказал Марк, и это слово вдруг прозвучало не как похвала, а как ярлычок, который он наклеивает на неё, когда она соглашается. - Рассказывай, как там заявка? Переделали?

- Переделываем. Усилили подачу.

- А что не так было со старой? Ты говорила, заказчик на предзащите кивал.

Вера положила вилку. Вопрос был обычный: он спрашивал про её дела каждый вечер, она сама приучила его к этому, сама любила рассказывать, показывать наброски, советоваться - он же умный, у него глаз намётан. Она посмотрела на него через стол, на сидящие у висков волосы, на гладко

выбранные щёки, на улыбку, которая всегда была на месте, и сказала:

- Не знаю. Что-то разонравилось. Нутром чую, что надо иначе.

- Нутром, - повторил Марк, и Вера могла бы поклясться, что в его голосе мелькнуло беспокойство, но он тут же улыбнулся и накрыл её руку своей. - Нутро у тебя отличное. Покажешь новую версию, гляну свежим взглядом?

- Покажу, - соврала она. - Когда будет что показывать.

Вера встала и понесла тарелки в раковину. Марк сказал ей в спину:

- Слушай, а помнишь девушку, которая у тебя работала? Кузнецова, кажется. Настя.

Вера замерла над раковиной, держа его тарелку с остатками пересоленной пасты. Вода шумела. Сердце билось ровно, и это удивило: она думала, что от одного этого имени у неё всё оборвётся, а оказалось - нет, просто стало очень тихо, как в студии перед записью, когда все готовы, а режиссёр ещё не сказал "мотор".

- Настя Кузнецова, - сказала она, не оборачиваясь. - Да, помню. А что?

- Да я в зале болтал с одним парнем, он из "Штриха", - Марк говорил лениво, растягивая слова, и Вера вдруг остро почувствовала, что каждое слово здесь взвешено, - он и сказал: Кузнецова у них теперь звезда, ведёт крупный тендер. Не тот ли, на который ты целишься?

Вода шумела. Вера стояла к нему спиной и смотрела, как пена сходит с тарелки.

- Не знаю. Возможно. "Штрих" сильный игрок, они везде лезут.

- Вот-вот, и я подумал. Обидно будет, если твоя же ученица тебя подвинет. Учила, учила - а она тебе бац.

- Не подвинет, - сказала Вера.

- Уверена?

Она выключила воду, поставила тарелку в сушилку и только потом повернулась. Марк стоял в дверях кухни, опершись плечом о косяк, в руке бокал с вином.

- Уверена. А ты?

- Я? - Марк улыбнулся. - Я в тебя верю, солнышко. Ты же у меня гений.

Он подошёл, поцеловал её в висок и ушёл в гостиную, к телевизору. Вера осталась стоять у раковины, и ей вдруг стало почти смешно: она впервые в жизни слышала, как муж проверяет её, - и слышала это так отчётливо, будто у неё выросли другие уши.

Ночью она не спала. Марк дышал рядом, во сне притянул её к себе, и Вера лежала в его руке и думала о понедельнике, когда к ним придёт ужинать его партнёр Волков, вернувшийся из Сингапура. Марк попросил приготовить лазанью: "Человек важный, от него зависит, как пойдёт год у фонда. А в Сингапуре с лазаньей туго". Вера тогда ответила "конечно" и подумала: интересно, знает ли этот Волков про Настю

и знает ли, что его партнёр спит с женщиной, которая воюет против его жены. Впрочем, какая разница, если в её собственном доме уже всё решено без неё.

В два часа ночи звякнул телефон. Вера потянулась за ним, стараясь не разбудить Марка, и увидела сообщение от Светы, и от него всё встало на свои места, как кубик Рубика, который она крутила всю неделю.

"Ты спишь? Прости. Я случайно увидела: "Каскад" разослал список участников питчей. "Штрих" - одиннадцатого, пятнадцать ноль-ноль. Продюсер - Настя Кузнецова. Вер. Ты это знала?"

Вера долго смотрела в экран, потом набрала ответ:

"Знала. Спи. В понедельник расскажу".

"Ты чего такая спокойная?! Это же наша Настя! Та, которую ты вырастила!"

"Именно. Спи, Света".

Она выключила телефон и легла на спину. Из гостиной донеслось: Марк пошёл выключать телевизор и тихо напевал мотивчик. Он напевал, когда был доволен. Вера не помнила, когда он напевал в последний раз, - а он напевал сейчас, в доме, где его жена готовилась отобрать у его любовницы тендер.

Вера закрыла глаза и улыбнулась в темноте. Впервые за неделю в ней не было ни страха, ни обиды, ни желания плакать. Был азарт - холодный, чистый, профессиональный, тот самый, с которым она восемь лет назад открывала студию на

деньги, занятые у мамы, и с которым собиралась выигрывать.

Утром в воскресенье она проснулась раньше будильника и села с ноутбуком на кухне. На листе бумаги лежал список дел на неделю: "Выиграть тендер", "Ужин в понедельник. Лазанья. Волков", и третьим пунктом, написанным мелко, почти неразборчиво, - "Не забыть, кто я". Она обвела его кружком, посмотрела и убрала листок в сумку: женщина на кухне в шесть утра, с кружкой кофе, с телефоном, в "Избранном" которого лежит чужая переписка, ей нравилась больше той, что плакала в ванной.

Она допила кофе и пошла будить Марка: он просил разбудить его в семь, потому что по воскресеньям сам вечно просыпал ранний зал.

Глава 2. Ужин

В понедельник в девять утра я стоял у окна своего кабинета на девятом этаже и смотрел, как Москва выстраивается в пробки. Шесть лет в Сингапуре отучили меня от этого зрелища: там город движется, как часы, а здесь он стоял и гудел, и я вдруг понял, что соскучился даже по этому гудению.

Роман принёс кофе и свежие цифры по портфелю. За шесть лет, что я жил в Азии, фонд вырос в четыре раза, Роман держал операционку, Марк - сделки, и отчитывались они мне раз в квартал по видеосвязи, из-за чего у меня сложилось ощущение, что я управляю чужим и очень успешным предприятием, к которому имею отношение только как владелец контрольного пакета.

- Марк опаздывает, - сказал Роман, глядя в телефон. - Пишет, был у врача.

Я посмотрел на часы. Марк не опаздывал никогда: за десять лет партнёрства я мог пересчитать по пальцам случаи, когда он приходил позже назначенного. Он появился в десять пятнадцать - свежий, улыбающийся, с двумя стаканами кофе, будто извинялся заранее, и я отметил про себя, что улыбка у него шире обычного, а глаза смотрят куда-то мимо.

- Врач сказал - жить буду, - объявил он, ставя кофе на стол, и я кивнул, потому что спрашивать, к какому врачу он ходит в девять утра в понедельник, было не моим делом.

Мы разбирали "Ключ" - стартап доставки продуктовых наборов, которым Марк занимался с осени и который он обещал закрыть к апрелю. Марк рассказывал, я слушал и листал его презентацию, и на третьей странице поймал себя на том, что смотрю не на цифры, а на его руки: он держал телефон под столом, большим пальцем, незаметно, и лицо у него при этом было то самое, с которым он говорил "всё под контролем".

- Ты меня слушаешь? - спросил Марк.

- Слушаю. Юнит-экономика у них сходится только при удержании выше сорока процентов, это оптимистично. Спроси, откуда они взяли цифру.

- Спрошу, - Марк убрал телефон в карман и посмотрел на меня с любопытством. - Ты чего такой задумчивый? Акклиматизация?

- Возраст, - сказал я. - Продолжай.

Я не думал о Марке, когда в половине седьмого заезжал на подземную парковку их дома на Пресненской набережной. Я думал о том, что уже десять лет не был в гостях у партнёра, и о том, что сингапурская привычка приходить ровно к назначенному времени здесь не работает: лифт поднимался медленно, а в холле двадцать четвёртого этажа пахло чужими ужинами - жареным луком, ванилью, чьей-то жизнью.

Дверь открыл Марк - домашний, в рубашке с расстёгнутым воротом, - и провёл меня в гостиную с видом на "Москву-Сити", которая в семь вечера загоралась, как новогодняя

ёлка. Из кухни пахло так, что я, человек, который шесть лет питался в ресторанах, почувствовал, как у меня внутри что-то ёкает, - я бы сказал "вспоминается", но вспоминать мне было нечего: лазанью мне не готовили лет пятнадцать, с тех пор как я уехал из Новосибирска, где её готовила бабушка, - сначала в Москву, потом в Сингапур, а бабушка так и осталась там, в своём доме с геранью на подоконнике.

Вера стояла у плиты в фартуке поверх тёмно-синего платья, и я успел заметить, что она поправляет причёску, короткую, до подбородка, и что на запястье у неё часы циферблатом внутрь, - а потом она обернулась, и я забыл, что хотел сказать про часы.

- Добрый вечер, - сказала она. - Я Вера. Проходите, у нас тут всё почти готово. Марк, достань вино, а то я опять забуду, и оно будет комнатной температуры, а ты будешь морщиться.

Марк рассмеялся и пошёл к бару, а Вера посмотрела на меня, и я поймал себя на том, что разглядываю её так, будто она проект, который надо просчитать: возраст - около тридцати, осанка - профессиональная, взгляд - быстрый, считающий, и что-то в этом взгляде не сходилось с голосом, которым она говорила про вино. Голос был домашний, а глаза - нет. Глаза смотрели на меня, как на незнакомца, которого надо оценить за три секунды, и я вдруг подумал, что в этом доме, возможно, не всё так просто, как кажется со стороны.

- Вы давно вернулись? - спросила она, наливая мне воды,

пока Марк возился с пробкой.

- Шесть лет жил в Сингапуре. Вернулся в прошлый поне-
дельник.

- И как вам Москва после Сингапура?

- Шумная, - сказал я. - И пахнет лазаньей. Это плюс.

Она улыбнулась - коротко, одними глазами, - и я понял, что улыбку эту я запомню, и тут же запретил себе об этом думать, потому что ужинал я в доме своего партнёра, а не на собеседовании.

За столом Марк говорил за двоих. Он рассказывал про фонд, про "Ключ", про то, как мы познакомились десять лет назад, когда он пришёл ко мне аналитиком, и как я разглядел в нём "хватку", - он любил это слово, "хватка", и употреблял его про себя так часто, что я перестал его слышать. Вера слушала, кивала, подкладывала мне лазанью, и я заметил, что она ни разу не перебила мужа и ни разу не посмотрела на телефон, который лежал на столе рядом с её тарелкой экраном вверх, - а телефон Марка лежал экраном вниз, и я знал эту манеру: так кладут телефон люди, которым есть что скрывать от экрана.

- Демьян, а вы по чему скучали больше всего? - спросила Вера, когда Марк ушёл на кухню за добавкой. - По чему-то конкретному? Или вообще по России?

Вопрос был простой, но задан она его так, будто проверяла меня на честность, и я ответил честно, сам не ожидая:

- По зиме. В Сингапуре нет зимы, и от этого время идёт

неправильно, как будто год не заканчивается. А вы бы хотели жить в другой стране?

- Я живу в стране, где у меня студия, - сказала она, и в голосе её мне почудилась осторожность, - и где моя мама в Подольске. Так что нет.

- А если бы студия могла работать откуда угодно?

- Студия может работать откуда угодно. - Вера наклонила голову, и короткая прядь упала ей на щёку. - Но я - нет. Я люблю, когда мои люди в соседней комнате, а не на другом конце зумы.

- Мои люди - на другом конце зумы уже шесть лет, - сказал я. - Возможно, я и вернулся, чтобы вспомнить, как это - когда в соседней комнате.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, и я понял, что сказал больше, чем собирался, и что она это услышала. В этот момент вернулся Марк с тарелкой, сел между нами, положил руку на плечо жены и спросил:

- О чём это вы без меня?

- О зуме, - сказала Вера. - Демьян рассказывал, каково это - управлять людьми по видеосвязи.

- А, - Марк махнул рукой. - Демьян у нас мастер удалёнки. Он даже из Сингапура умудрялся контролировать всё, до последней цифры. Правда, Демьян?

- Правда, - сказал я. - Контроль - моя специальность.

- Вот, - Марк поднял бокал, - за контроль. И за то, что мы наконец все в одном городе.

Мы чокнулись. Вера пить не стала - только пригубила, и я заметил, что она смотрит не на Марка, а на его телефон, который лежал на столе экраном вниз, и что взгляд у неё при этом такой, будто она считает в уме, до скольких досчитает, прежде чем он снова его возьмёт.

Телефон звякнул. Марк извинился, взял его, глянул, улыбнулся и убрал обратно.

- Рабочее, - сказал он, перехватив мой взгляд.
- Стартапы в десять вечера работают? - спросил я.
- Стартапы не спят, - Марк развёл руками. - "Ключ" прислал обновлённую модель.

Я посмотрел на Веру. Она смотрела в свою тарелку и резала лазанью на маленькие квадратики, и я вдруг подумал, что жена, которая режет лазанью на квадратики, - это жена, которая о чём-то очень сильно думает, и что думает она не о лазанье.

Через полчаса Марк ушёл в кабинет отвечать на срочный звонок - "извините, десять минут, договор горит", - и мы остались вдвоём в гостиной, и я вдруг отчётливо вспомнил вечер тринадцатого февраля, ресторан "Форно" на Большой Бронной, куда я заехал поужинать с инвестором из Дубая перед отлётом в Сингапур. Марк вошёл в зал с женщиной - молодой, в длинном пальто, с распущенными волосами, - и я помню, как удивился, потому что в тот вечер, по моим данным, Марк должен был быть в Подольске, у тёщи, и как он, заметив меня у входа, кивнул - легко, приветливо, как кива-

ют знакомому, с которым не нужно ничего объяснять. Женщина держала его под руку. Они сели за столик у окна, и я видел, как она смеётся и как Марк накрывает её руку своей, и я тогда подумал: не моё дело. Чужая семья, чужая жизнь, у меня своих ошибок хватает.

Теперь, глядя на Веру, которая резала лазанью на квадратики, я впервые подумал, что "не моё дело" - это удобная формула, которой я прикрываюсь, как зонтом, и что зонт этот сломался где-то между тринадцатым февраля и сегодняшним вечером.

- Вера, а расскажите про вашу студию, - сказал я, чтобы нарушить тишину. - Марк говорил, вы снимаете рекламу?

- Не рекламу, - она оживилась, и я увидел, как меняется её лицо, когда речь заходит о деле, - мы снимаем истории для брендов. Имиджевые ролики, кампании, контент для соцсетей. Сейчас вот делаем большую заявку для сети апарт-отелей, тендер.

- И как успехи?

- Успехи будут в четверг, когда закончится дедлайн. - Она улыбнулась. - А пока успехи - это когда монтажёр не ругается матом на тайминг, а заказчик отвечает на письма быстрее, чем за три дня.

- Звучит как венчур, только вместо стартапов - ролики, - сказал я. - У вас сколько человек?

- Двенадцать. Было четырнадцать, двое ушли в прошлом году в большое агентство.

- Жалеете, что ушли?

- Не они. Я. - Вера посмотрела на меня, и я понял, что она отвечает не для вежливости, а потому что ей нравится этот разговор. - Я жалела, что вырастила их и отпустила. Теперь думаю: правильно сделала. Люди должны уходить, когда переросли. Удерживать - значит мешать.

- Редкая позиция, - сказал я. - Обычно собственники держатся за людей, как за актив.

- А я не собственник. Я - режиссёр своего дела. - Она сказала это просто, без пафоса, и я вдруг подумал, что за этим столом сидят два человека, которые любят то, что делают, и что с Марком, который любит процесс сделки, а не сам продукт, у нас с Верой общего больше, чем у нас с Марком.

В этот момент из кабинета донёсся голос Марка - он говорил кому-то: "нет, нет, всё нормально, завтра решим", - и голос у него был мягкий, воркующий, и я перевёл взгляд на Веру, чтобы посмотреть, слышит ли она. Она слышала. Она сидела неподвижно, с идеально спокойным лицом, и смотрела на дверь кабинета так, как смотрят на закрытую дверь, за которой решается что-то, к чему тебя не подпускают, - и я вдруг понял, что она знает про этот голос. Что она знает давно. И что квадратики лазаньи - это способ не разрезать что-то другое.

- Вера, - сказал я, - а вы верите людям на слово?

Она подняла на меня глаза, и я увидел в них усталость, которую она прятала весь вечер.

- Раньше верила, - сказала она. - Я же продюсер: вся моя работа - на слове. Слово режиссёра, слово заказчика, слово оператора, что он приедет в шесть утра. Вся моя работа держится на том, что люди держат слово.

- И держат?

- Большинство держит. - Она помолчала, и я увидел, как она решает, говорить или нет. - А меньшинство не держит. Вопрос только в том, как научиться отличать большинство от меньшинства до того, как положишь на них год жизни.

Я хотел спросить, кто из её меньшинства стоил ей года жизни, но Марк вышел из кабинета, застёгивая пуговицу на манжете, и сказал:

- Ну что, я так понимаю, вы тут без меня уже всё обсудили? Демьян, кофе? Или ты на машине?

- На машине, - сказал я, вставая. - И мне пора. Спасибо за ужин, Вера. Лазанья - лучшее, что я ел за шесть лет.

- Это рецепт моей мамы, - сказала она. - Я ей передам.

В прихожей, пока Марк ходил за моим пальто, я надел ботинки и услышал за спиной её голос:

- Демьян, а вы?

- Что - я?

- Вы верите людям на слово?

Я завязал шнурок, выпрямился и посмотрел на неё. Она стояла в дверях кухни, скрестив руки, и вид у неё был такой, будто этот вопрос ей важнее всех вопросов этого вечера.

- Я верю цифрам, - сказал я. - И поступкам. Слова - это

аванс, который люди выдают себе и другим. Поступки - это когда аванс отработан.

- А если человек говорит вам правду, а поступает - как все?

- Тогда я смотрю на то, как он поступает, когда никто не видит, - сказал я. - Это единственная честная съёмка.

Она посмотрела на меня долго, и я понял, что она запомнила эти слова, и что-то в её лице изменилось - не напряжение ушло, а добавилось что-то новое, похожее на интерес.

- Хорошее правило, - сказала она. - Жаль, что я узнала его поздно.

- Узнать правило поздно - не значит узнать его зря.

Из гостиной донёсся голос Марка: "Демьян, ты где? Я тебе пальто несу", - и Вера улыбнулась - той самой улыбкой, одними глазами, - и сказала тихо, почти шёпотом:

- Приходите ещё. Марк будет рад.

Я не успел ответить: Марк уже стоял в прихожей с моим пальто, и мы пожали руки, и я вышел в коридор, и лифт, и подземный паркинг, и только в машине, глядя на светящиеся окна двадцать четвёртого этажа, я поймал себя на том, что думаю не о "Ключе", не о портфеле и не о юнит-экономике, а о женщине, которая режет лазанью на квадратики и верит людям на слово.

Я завёл двигатель и сказал себе вслух, как говорят себе вслух, когда остаются одни:

- Это не моё дело.

И повторил ещё раз, для надёжности, потому что впервые за десять лет не был уверен, что это так.

Глава 3. Стекло

Во вторник Марк ушёл в семь утра, поцеловав её в висок и пообещав вернуться поздно: ужин с партнёрами по "Ключу", "сам не рад, но договор горит". Вера лежала с закрытыми глазами, слушала, как он гремит на кухне, потом как закрывается дверь, и думала о том, что раньше, до той ночи на кухне, она бы спросила: "А с кем ужин? Во сколько вернёшься? Не забудь, что у тебя завтра встреча с Романом". Раньше она провожала его и стояла в прихожей, пока не стихал лифт. Раньше она жила, не считая.

Теперь она считала. Она открыла глаза, взяла телефон и посмотрела на дату: четвёртое марта, вторник. До дедлайна по "Каскаду" - три дня. До питча - шесть. Она полежала ещё минуту, глядя в потолок, на котором дрожали утренние блики, и сказала себе то, что говорила каждое утро с той ночи: сначала тендер, потом всё остальное.

В студии было пусто и тихо - Света уехала на съёмку к клиенту, Толя монтировал в своей берлоге на втором этаже, - и Вера села за свой стол с чашкой кофе и открыла презентацию "Возвращения". Текст складывался, картинки ложились, и на час она забыла, зачем, собственно, переделывала эту презентацию, - она просто делала работу, и от этого ей становилось легче, как становилось легче всегда, когда она делала работу, в любые времена, даже в самые плохие.

В одиннадцать она вышла за кофе в кофейню на углу, ту самую, где её знали в лицо и уже не спрашивали, что она будет пить. Она стояла у стойки, смотрела, как бариста взбивает молоко, и тут за её спиной раздался голос, от которого у неё всё внутри сжалось в тугой узел:

- Вера?

Она обернулась. Настя стояла в двух шагах - в бежевом пальто, с яркими серьгами-кольцами, с пакетом из кондитерской в руке, - и улыбалась так, как улыбалась всегда: открыто, чуть виновато, будто извиняясь за то, что занимает собой пространство.

- Настя, - сказала Вера, и голос у неё не дрогнул, и это её удивило. - Ты как здесь?

- Встреча с клиентом, у них офис в соседнем переулке. - Настя шагнула ближе, и Вера машинально отметила, как она изменилась: осанка увереннее, взгляд прямее, укладка дороже. Успех меняет людей быстро, подумала Вера, особенно тех, кто в него верит. - А вы? Вы же теперь в другом районе?

- Мы переехали, - сказала Вера. - Теперь мы на Пятницкой, в бывшей типографии. Света тебе не говорила?

- Я со Светой не общаюсь, - Настя отвела глаза. - После того как я ушла... как-то не сложилось. Вы, наверное, обиделись, что я ушла без предупреждения?

- Ты предупредила. За две недели. - Вера взяла свой стакан с полки. - Я помню.

Она помнила лучше, чем хотела бы: как Настя пришла к

ней в кабинет в апреле прошлого года, мнётся в дверях, говорит: "Вера, мне предложили место в "Штрихе", большое агентство, я не знаю, что делать", - и как она, Вера, тогда сказала: "Иди. Ты переросла нас". Она сказала это искренне, потому что верила: люди должны уходить, когда переросли. Она сказала это и даже помогла Насте собрать портфолио, и написала ей рекомендательное письмо, и Настя плакала у неё в кабинете и говорила: "Вы для меня как старшая сестра, я вас никогда не забуду".

Через четыре месяца Настя спала с её мужем.

- Кофе вместе выпьем? - спросила Настя, и Вера посмотрела на неё и впервые за всё время их знакомства увидела то, чего не видела раньше: как Настя держит голову, чуть наклоняя вбок, - точно так же держала голову Вера, когда хотела понравиться. Девочка училась у неё не только продюсерскому мастерству. Она училась у неё всему, и это было страшнее всего: предательство, скроенное по твоим собственным лекалам.

- Не могу, - сказала Вера, - у меня правки через двадцать минут. - И добавила, потому что так было правильно, потому что Настя не должна была ничего заподозрить: - Ты заходи как-нибудь в студию. Толя будет рад.

- Толя меня, наверное, ненавидит, - Настя улыбнулась. - Он же меня учил держать камеру. Предательница, наверное, говорят у вас?

- У нас так не говорят, - сказала Вера, и на секунду ей

показалось, что она сейчас всё скажет, всё выплеснет, всю эту чудовищную неделю, - но она не сказала. Она улыбнулась и вышла из кофейни, и только на улице, на морозном ветру, позволила себе выдохнуть.

Она шла к студии и думала: а ведь Настя спросила про студию, про Свету, про Толю - и ни разу не спросила про Марка. Ни разу. Девушка, которая два года работала у неё в студии, знала, что Марк вернулся из Тбилиси в пятницу, - Марк же был на её дне рождения в июне, они познакомились у Веры дома, - и не спросила о нём ни слова. Это было неправильно. Это было так неправильно, что Вера остановилась посреди тротуара и постояла, глядя на витрину, и в витрине отражалась женщина со стаканом кофе, женщина, которая только что разговаривала с любовницей своего мужа и не подала виду, что знает.

- Тендер, - сказала она себе вслух, и прохожий обернулся, а она не смутилась. - Тендер, потом всё остальное.

День тянулся. Презентация складывалась, разваливалась и складывалась снова; Толя принёс ей бутерброд и молча положил на край стола, и Вера съела его, не заметив, и только в шесть вечера, когда в студии снова стало пусто, она поймала себя на том, что смотрит на часы и считает: Марк сказал "ужин с партнёрами", "Ключ", "договор горит". Она открыла телефон, потом закрыла. Потом открыла снова и набрала сообщение Алисе:

"Ты дома?"

"Я в магазине. А что?"

"Ничего. Просто спросила".

Она убрала телефон и поняла, что делает то, чего не делала никогда: собирается поехать за мужем. В прологе она прочитала в его переписке, что они с Настей любят "Форно" на Большой Бронной, - это слово всплыло в чате дважды, и она запомнила его, как запоминают название болезни, которую боишься услышать снова. Она не знала, там ли он. Она знала только, что если не поедет, то будет сидеть дома и смотреть на дверь, и считать минуты, и сойдёт с ума быстрее, чем успеет выиграть тендер.

Вера надела пальто, взяла ключи и вышла на улицу, и морозный мартовский вечер встретил её так, будто ждал: сухо, ясно, звонко, - город, который она любила, город, в котором она всё знала, каждый переулок, каждую кофейню, каждый ресторан, где её муж ужинал с партнёрами.

Она взяла такси, потому что ехать на своей машине значило искать парковку и думать, а думать она не хотела, она хотела просто доехать. Водитель молчал, и это было хорошо. За окном плыла вечерняя Москва: витрины, огни, люди с букетами, пары, которые держались за руки, и Вера смотрела на них и думала, что у каждой второй пары, наверное, есть свои тайны, и что тайны бывают маленькие - "я доел твой йогурт", - а бывают такие, что переворачивают всю жизнь, и ты узнаёшь о них не от человека, а от его телефона.

"Форно" светился тёплым жёлтым светом, и Вера попро-

сила водителя остановиться за два дома, расплатилась и пошла пешком. Сердце билось ровно и тяжело, как метроном, и она шла и говорила себе: если его там нет - развернись и уеду, и больше никогда не буду проверять, никогда.

Он был там.

Вера увидела его через большое стекло витрины, и мир вокруг неё стал очень тихим, как в студии перед записью, когда все уже готовы, а режиссёр не сказал "мотор". Марк сидел за столиком у окна, в рубашке, которую она гладила ему в воскресенье, и напротив него сидела Настя - та самая Настя, которую Вера встретила утром в кофейне, Настя в бежевом пальто, снятом и повешенном на спинку стула, и под пальто было платье. Тёмно-синее, с открытыми плечами, то самое платье, которое они с Настей выбирали два года назад в "Цветном", когда у Насти был день рождения и Вера повела её в магазин и сказала: "выберем тебе что-нибудь, ты же у нас выросла", - платье, которое Вера купила ей в подарок и которое Настя тогда примерила и заплакала от счастья, потому что никто никогда не дарил ей таких подарков.

Настя смеялась, запрокинув голову, и держала Марка за руку через стол, а Марк говорил что-то, и лицо у него было то самое, которого Вера не видела дома: лёгкое, молодое, беззаботное, лицо человека, которому не нужно ничего скрывать, потому что он никого не обманывает в эту минуту. Он накрыл её руку своей, Настя сказала что-то, он рассмеялся, и Вера стояла за стеклом, в холоде, с поднятым воротником,

и смотрела на них, как смотрят кино, в котором не играешь, - и только когда официант поставил перед ними два бокала, она поняла, что стоит здесь уже минут десять, что ноги у неё замёрзли и что она так и не решила, что делать дальше.

Она могла войти. Могла открыть дверь, подойти к их столу, сесть и посмотреть, как они будут выкручиваться. Могла сказать: "Марк, ты забыл, что у тебя жена?" Могла сделать тысячу вещей, и каждая была бы честной и каждая была бы ошибкой, потому что внутри у неё уже созрело другое решение, холодное и точное, как выверенный кадр: сначала она выиграет тендер, который они украли у неё, а потом уже решит, что делать с ними.

Вера постояла ещё минуту, глядя, как Настя поправляет волосы и как Марк смотрит на неё, - и повернулась и пошла к метро, и у витрины книжного остановилась, посмотрела на себя в стекле и сказала себе:

- Ты не жертва. Ты - свидетель. Свидетели выигрывают.

Дома она разделась в прихожей, умылась ледяной водой и легла в кровать с книгой, которую не читала. В одиннадцать пришёл Марк - весёлый, румяный, с мороза, - поцеловал её в лоб и сказал, что договор по "Ключу" почти на мази, а партнёры - скучные люди, но нужные.

- Как прошёл твой день? - спросил он, расстёгивая рубашку.

- Нормально. Презентацию докрутила.

- Умница, - сказал он. - Завтра опять допоздна? Может,

встретимся в городе, поужинаем?

- Давай, - сказала Вера, - если успею. Только не в "Форно". Слышала, там теперь модно и шумно.

Марк не дрогнул. Он стоял спиной, разбирая рубашку, и сказал легко:

- Да? Не знал. Ну давай в другое место.

И Вера, глядя в его гладкую спину, подумала: вот оно. Он не дрогнул, потому что не считает меня способной на проверку. Я для него - надёжная, предсказуемая, домашняя, его тыл, его фон, его "солнышко". И это, наверное, самое обидное во всей этой истории: не то, что он врёт, а то, что он врёт так легко, потому что уверен, что я не посмотрю в его сторону.

Ночью ей не спалось. Марк дышал рядом, и Вера перебирала в памяти детали вечера: синее платье, рука Насти на столе, смех, запрокинутая голова, два бокала, которые поставил официант, - и вдруг поймала себя на том, что плачет, но плачет не от обиды, а от странного, горького облегчения: теперь она знала всё. Больше не нужно было додумывать, дорисовывать, надеяться, что ошиблась, что телефон ей приснился, что переписку можно объяснить. Теперь она знала, как это выглядит со стороны: вот так. Обычно. По-человечески. Двое за столиком у окна, которым хорошо друг с другом, - и где-то дома у одного из них жена, которая считает минуты до дедлайна.

В три часа ночи она встала, прошла на кухню и открыла

холодильник: молоко, яйца, сыр, ветчина - всё, что нужно для лазаньи. Она постояла, глядя на продукты, потом закрыла холодильник, села за стол и написала в заметках: "Форно, четвёртое марта, двадцать тридцать. Платье синее. Он гладил ей руку. Смеялась, запрокинув голову". Посмотрела на запись и стёрла: ей не нужно было записывать, она и так не забудет ни одной секунды.

Утром в среду Марк ушёл рано, и Вера стояла у окна и смотрела, как он садится в машину, и вдруг заметила то, чего не замечала раньше: он смотрит в телефон, пока идёт к машине, и улыбается. Он улыбался телефону, а не дню, не солнцу, не ей.

Она отошла от окна, взяла сумку и поехала в студию - доделывать презентацию. До дедлайна оставалось два дня, и она решила, что эти два дня будут самыми честными в её жизни: только работа, никаких мыслей о нём, а потом, после питча, она сядет и решит, что делать со своей жизнью. Она не знала тогда, что жизнь решит это за неё и что решающим станет не платье и не смех, а телефонный звонок, который раздастся через неделю, в четверг, в тринадцать ноль семь, когда она будет стоять с чашкой остывшего кофе и смотреть, как рушится её тендер.

Глава 4. Сделка

В четверг я приехал в офис в восемь, как привык за десять лет, - Сингапур отучил меня от московских пробок, но не отучил от привычки начинать день раньше всех, чтобы успеть подумать до того, как мир начнёт говорить. Я сидел с кофе и отчётом по портфелю, когда в девять в кабинет заглянул Марк - свежий, выбритый, с двумя стаканами кофе в руках, как в понедельник, - и я вдруг поймал себя на мысли, что он приносит кофе, когда ему что-то нужно, и что я не помню, когда он приносил кофе просто так.

- Демьян, доброе утро. - Он поставил стакан на край стола. - Слушай, у меня к тебе просьба: я сегодня с обеда уеду, юристы по "Ключу", потом надо будет заехать к одному человеку. Завтра всё доложу.

- Юристы по "Ключу" - это к Роману, - сказал я, не отрываясь от отчёта. - Ты сам говорил, что Роман ведёт юридическую часть.

- Ну, там новый момент, - Марк пожал плечами, - я сам хочу разобраться. Не вопрос же?

- Не вопрос. - Я поднял на него глаза. - Ты что-то хотел ещё?

Марк помялся, и я увидел, как он подбирает слова, - увидел это отчётливо, потому что за десять лет выучил его манеру: когда Марк подбирает слова, он смотрит в окно, будто

читает их там, на стекле.

- Слушай, я вот о чём думаю, - сказал он наконец. - Ты у нас по понедельникам ужинал, с Верой познакомился. Она тебе понравилась?

- Приятная женщина, - сказал я осторожно. - Умная. Хорошо готовит.

- Вот-вот. - Марк прошёлся по кабинету, остановился у окна. - Она сейчас на тендере сидит, на "Каскад" целится, сеть апартаментов. Крупный заказ, слышал?

- Слышал.

- И вот я думаю: шансы у неё есть, но "Штрих" - сильный игрок, у них ресурс, команда, а у неё - двенадцать человек. Я ей, конечно, говорю, что она выиграет, но как партнёр, как человек, который видел рынок... - Марк обернулся, и я увидел в его глазах что-то, чего раньше не видел: он ждал моей реакции, как ждут реакции на пробный шар. - Как думаешь, стоит ей подготовиться к проигрышу? Или пусть борется?

Я смотрел на него и молчал. Что-то в этом разговоре было не так, и я не сразу понял, что именно, - а потом понял: Марк говорил о жене так, будто она - проект, который надо оценить, будто он уже знал исход и примерял, как сообщить ей плохие новости, не испортив себе вечер. Он говорил о "Штрихе" с уважением человека, который знает их изнутри, и я вспомнил, как он в понедельник, за ужином, отвечал на сообщения с улыбкой, и как его телефон лежал экраном вниз, и как Вера резала лазанью на квадратики.

- Пусть борется, - сказал я. - Женщина, которая готовит такую лазанью, не проигрывает, когда ей дают бороться.

Марк посмотрел на меня, и я не понял выражения его лица - то ли он удивился, то ли насторожился, - а потом он улыбнулся своей обычной улыбкой и сказал:

- Ну да, ну да. Ладно, я поехал, к обеду вернусь, подпишем смету по "Ключу".

Он ушёл, а я остался сидеть, глядя на стакан кофе, который он так и не дал мне выпить, и думать о том, что разговор этот мне не понравился, и что дело тут не в "Ключе", и что через два часа Марк, вероятно, уже забудет, что говорил мне про тендер жены, - а я не забуду, потому что я запоминаю всё, что люди говорят о своих близких, когда думают, что это никому не важно.

После обеда я уехал на встречу с Романом в банк, и вернулся в офис уже в сумерках, в начале восьмого. На улице было морозно, март в этом году стоял злой, сухой, и я шёл от машины к подъезду, пряча подбородок в воротник, когда заметил у тротуара тёмный седан с работающим двигателем. Окна тонированные, и я уже хотел пройти мимо, когда из подъезда вышел Марк - я узнал бы его походку из тысячи, - и направился прямо к седану. Он открыл заднюю дверь и сел, не сказав водителю ни слова, как садятся, когда едут не в первый раз.

Я остановился. Машина тронулась, и в свете фонаря я успел увидеть профиль водителя: женщина, длинные воло-

сы, яркие серьги, - и у меня внутри всё опустилось, потому что я узнал её. Я узнал бы её даже без серёжек, по тому, как она держала голову, чуть наклоняя вбок, - та самая женщина из "Форно", из тринадцатого февраля, та, что смеялась, запрокинув голову, и держала Марка за руку через стол.

Машина уехала, и я стоял на морозе, смотрел на пустую дорогу и перебирал в уме факты, как перебирают карты в пасьянсе, который не сходится: тринадцатого февраля Марк ужинал с женщиной, которая не его жена. Сегодня, шестого марта, он уехал с обеда, сказав, что к юристам, и сел в машину к той же женщине. В понедельник, за ужином, он улыбался телефону и говорил "рабочее". А его жена, Вера, которая режет лазанью на квадратики и верит людям на слово, сидит дома и готовит презентацию для тендера, который она, возможно, уже проиграла, сама о том не зная.

Я постоял ещё минуту, потом развернулся и пошёл обратно к машине. Мне нужно было проехаться, проветрить голову, и я поехал по набережной, мимо освещённых окон, мимо "Москвы-Сити", и думал о том, что я за десять лет партнёрства ни разу не лез в личную жизнь Марка, потому что это было правильно: у каждого своя семья, свои ошибки, свой счёт. Я и в свою-то личную жизнь не вмешивался, когда она разваливалась, - что уж говорить о чужой.

Но сейчас что-то скребло, и я не сразу понял, что именно, а поняв, остановил машину у набережной и долго сидел, глядя на воду. Скребло не то, что Марк изменяет жене, - это его

жизнь, его выбор, не мне судить. Скребло то, что я видел его жену: я видел, как она смотрела на дверь кабинета, из-за которой доносился его воркующий голос, и как она резала лапшу на квадратики, и как спросила меня, верю ли я людям на слово, - и мне вдруг стало ясно, что Вера, возможно, уже всё знает или догадывается, и что она, как я когда-то, прикрывается работой, потому что работа - единственное место, где можно спрятаться от того, что ты не хочешь видеть.

Я знал это состояние. Я жил в нём два года, в Сингапуре, когда Лиза ещё была рядом, а я уже всё потерял, просто ещё не заметил. Я узнавал его в других за версту, как врачи узнают болезнь по одному симптому, и от этого мне было вдвойне не по себе: я видел её насквозь, но не мог ничего сказать, потому что сказать - значило вмешаться, а вмешаться - значило признать, что я давно уже вмешался, с того самого вечера тринадцатого февраля, когда кивнул Марку в "Форно" и сделал вид, что ничего не заметил.

Домой я вернулся в десятом часу, в квартиру на Патриарших, которую снял с видом на пруд, - я не любил гостиницы, а жить у мамы в Новосибирске было далеко, поэтому я снял первое, что показали, с коробками, которые так и не разобрал до конца, и с кухней, где я не готовил, потому что готовить для одного - занятие для людей с крепкими нервами.

Я включил чайник, сел с чашкой к окну и посмотрел на заснеженный пруд, на котором в темноте чернели силуэты людей с собаками. В Сингапуре не бывает такого вечера, по-

думал я: чтобы чайник, и снег, и тишина, и чтобы не надо никуда бежать. В Сингапуре я бежал - от пустой квартиры, от мыслей, от самого себя, - а теперь сижу здесь и не знаю, куда бежать, потому что мысли нагнали меня в Москве, как нагоняют в поезде дальнего следования, когда уже некуда выйти.

Я достал телефон и открыл шахматы. Три партии перед сном - моя привычка, мой способ выключать голову, и сегодня мне нужно было выключить её особенно сильно, потому что она упорно возвращалась к одному и тому же: к тёмному седану, к профилю водителя, к тому, как Марк сел в машину, не сказав ни слова.

Первую партию я проиграл - зевнул ферзя, глядя в окно. Вторую выиграл, не заметив как. На третьей, в эндшпиле, когда у меня оставались конь и три пешки, а у соперника - слон и две, я поймал себя на том, что смотрю не на доску, а на список контактов в телефоне, и что палец мой лежит на имени "Вера Орлова", которого не должно было быть в моей записной книжке, потому что я не записываю контакты жён партнёров, я даже не помню, как он там оказался, - а оказался он там, кажется, в понедельник, когда Марк попросил меня скинуть ей фотографии с ужина, которые я делал на телефон.

Я убрал руку. Доиграл партию - выиграл, не глядя, - и закрыл приложение, и пошёл наливать вторую чашку чая, и стоял у окна, и думал о том, что у меня нет никаких дел до Веры Орловой, никаких причин ей писать, и что всё, что я

видел сегодня вечером, - не моё дело, как не было моим делом тринадцатое февраля, и что если я начну вмешиваться, я стану тем, кем быть не привык: человеком, который лезет в чужую семью.

А потом я вспомнил, что у нас через месяц юбилей фонда, десять лет, и что Роман ещё в январе предлагал снять фильм к юбилею, короткий, на десять минут, про историю "Гелиоса", про сделки, про людей, - и что мы так и не нашли подрядчика, потому что все нормальные студии были заняты, а Роман предлагал взять какую-то московскую контору "с понятными руками", и я тогда сказал, что посмотрю сам.

Я открыл браузер и набрал "Акцент студия". Сайт у неё был хороший - чистый, без пафоса, с портфолио, которое говорило само за себя: три ролика для крупных брендов, документалка про реставраторов, которая взяла приз на фестивале, серия интервью с врачами, снятая так, что я, человек, который не плачет вообще, досмотрел до конца с каким-то странным комом в горле. Внизу страницы - короткое видеообращение, где она сидит в студии и говорит: "Мы не снимаем рекламу. Мы снимаем правду, которая продаёт".

Я закрыл браузер, открыл его снова, опять закрыл. Потом открыл мессенджер, нашёл её имя и начал писать, и писал, и стирал, и писал снова, потому что каждое слово казалось мне либо фальшивым, либо лишним, либо слишком личным, а потом я вспомнил, что я - человек, который принимает решения, и что решения принимаются так: взвесил, понял, сде-

лал, - и написал коротко, по-деловому, как писал бы любому подрядчику:

"Вера, добрый вечер. Это Демьян Волков, мы познакомились в понедельник. У фонда в апреле юбилей - десять лет. Ищем студию для короткого фильма о нас, минут на десять, с вашим почерком. Я посмотрел ваше портфолио и хочу предложить это вам. Если интересно - обсудим после вашего тендера, не хочу отвлекать. С уважением, Демьян".

Я перечитал сообщение три раза, проверил, не проскочило ли чего лишнего, - не проскочило, всё было ровно, по-деловому, как и должно быть, - и нажал "отправить". Сообщение ушло, и я сидел, глядя на экран, и ждал, сам не зная чего, и через минуту поймал себя на том, что смотрю на часы и прикидываю, во сколько она ложится спать, и что мне отчего-то важно, чтобы она ответила сегодня, а не завтра, и что мне вообще отчего-то важно, чтобы она ответила.

Я положил телефон экраном вниз - и тут же одёрнул себя: я не Марк, мне нечего прятать. Я положил его экраном вверх и пошёл чистить зубы, и стоял в ванной, глядя на себя в зеркало, и говорил себе, что всё это - бизнес, чистый бизнес, фонду нужен фильм, студия нужна хорошая, а она - лучшая из тех, что я видел, и точка, и никаких других причин у этого сообщения нет.

- Зачем я это сделал? - спросил я у отражения. И ответил себе честно, и от этого ответа мне стало неловко, как не было неловко много лет: - Затем, что хочу увидеть её снова. И это

не бизнес.

Я выключил свет в ванной, лёг, и телефон на тумбочке молчал, и я лежал в темноте и смотрел в потолок, и впервые за долгое время не знал, чей ход сейчас, мой или её, и что мне делать с этим эндшпилем, в котором у меня конь и три пешки, а у жизни, как всегда, - ферзь.

Глава 5. Заявка

В пятницу утром Вера проснулась в шесть и первым делом, ещё до кофе, увидела на телефоне сообщение от Демьяна Волкова, и от неожиданности села на кровати, перечитала, потом перечитала ещё раз: "У фонда в апреле юбилей - десять лет. Ищем студию для короткого фильма... Я посмотрел ваше портфолио и хочу предложить это вам".

Она сидела в темноте спальни, смотрела на экран и думала о том, что вчера, в четверг, этот человек видел её мужа с любовницей - она не знала этого наверняка, но знала, что они вчера встречались, потому что Марк вернулся в одиннадцать и пах чужими духами, сладкими, цветочными, и сказал, что "юристы задержали", - а сегодня ей пишет этот же человек с деловым предложением, и предложение хорошее, настоящее, и почерк, говорит он, у неё свой, и ей вдруг стало смешно, горько и смешно: мир, в котором муж изменяет ей с её бывшей ученицей, а партнёр мужа предлагает ей снять фильм о фонде, - мир этот был устроен сложнее, чем она думала.

Она ответила коротко, по-деловому:

"Демьян, добрый день. Спасибо за предложение и за тёплые слова. Сейчас идёт финал тендера, я до понедельника не принадлежу себе. Вернусь к вам, как только выдохну. Вера".

Отправила, посмотрела на часы: шесть сорок. До дедлайна

- одиннадцать часов и двадцать минут. Она встала, заварила кофе и пошла в душ, и стояла под горячей водой, и повторяла про себя, как мантру: "Мы сделали всё. Мы сделали всё, что могли. Дальше - как получится".

В студии в девять утра было тихо, как перед бурей. Света сидела с финальной сметой, Толя монтировал тизер для питча, и даже воздух, казалось, дрожал от напряжения, и Вера ходила между ними, проверяла, перепроверяла, и в какой-то момент поймала себя на том, что стоит у окна и смотрит на улицу, не видя её, и думает о том, что вся её жизнь сейчас - как этот тендер: она сделала всё, что могла, а решение - не за ней, и от этого безвластия у неё сосало под ложечкой, и она злилась на себя за эту слабость, потому что она всегда решала сама, всегда, с восемнадцати лет, - и только в двух вещах в своей жизни она отдала решение другому человеку, и обе эти вещи назывались Марк.

- Вера, - сказала Света, - иди сюда. Смотри, что Толя сделал.

Тизер лежал на таймлайне: тридцать секунд, окно, чайник, руки, которые расстёгивают рубашку, город за стеклом, и голос за кадром - Толин, хриловатый: "Ты не знаешь, зачем едешь. Но когда открываешь дверь - ты знаешь, зачем вернулся". Вера пересмотрела его три раза и сказала:

- Толя, ты гений.

- Я знаю, - сказал Толя, не отрываясь от экрана. - Ты мне это говоришь каждый раз, когда я делаю что-то гениальное.

Счетовод из меня так себе.

- А счёт у нас, - сказала Света, - сходится до копейки. Я три раза проверила. Если они скажут, что дорого, - я им покажу, сколько стоит снять так, чтобы человек заплакал.

- Никто не плачет в рекламе отелей, - сказал Толя.

- Ты заплакал, когда смотрел тизер.

- Я не плакал. У меня глаза на мокром месте от природы.

Вера слушала их перепалку, и у неё вдруг защемило в носу, и она отвернулась к окну, чтобы они не видели её лица, потому что они были - её команда, её люди, её семья по работе, и она вдруг с ужасающей ясностью поняла, что если они проиграют, это будет не её поражение - это будет поражение всех, кто верил ей, кто шёл за ней, кто оставался с ней, когда было трудно, и что она не имеет права их подвести, не имеет права, и она сжала кулаки в карманах и сказала, не оборачиваясь:

- Подаём в пять пятьдесят восемь. Ровно. Чтобы у них не было времени придрататься.

В пять часов сорок пять они собрались у её стола, все двенадцать человек - кто стоял, кто сидел на подоконнике, кто принёс стул из монтажной, - и Вера смотрела на них и видела, как они волнуются, и как Света грызёт ручку, и как Толя, который не волновался никогда, крутит в руках наушники, и как молодой монтажёр Паша, которого взяли в декабре, стоит с таким лицом, будто его сейчас будут отчислять.

- Так, - сказала Вера, - сейчас я нажму кнопку, и заявка

уйдёт. Через десять минут она будет у них. Через неделю мы узнаем результат. Что бы ни случилось, - она посмотрела на них по очереди, - вы - лучшая команда, с которой я работала. И это не потому, что мы выиграем. Это потому, что мы сделали лучшее, что умеем. Остальное не в нашей власти.

- Философ, - сказал Толя, но голос у него дрогнул, и он отвернулся.

В семнадцать пятьдесят восемь Вера нажала "отправить". Заявка ушла, экран погас, и секунд пять в студии было тихо, а потом Света сказала:

- Ну всё. Теперь можно жить.

- Теперь можно волноваться, - поправил Толя.

- Это одно и то же, - сказала Света и полезла в шкаф, откуда достала коробку конфет и бутылку чего-то безалкогольного. - Я знала, что мы успеем. Поэтому купила.

Они пили лимонад из пластиковых стаканчиков, и Паша рассказывал, как у него дрожали руки, когда он загружал видео, и все смеялись, и Вера смеялась вместе со всеми, и только краем глаза, поверх их голов, видела своё отражение в тёмном окне: женщина с бокалом лимонада, улыбающаяся, счастливая, - и знала, что на самом деле она сейчас думает не о заявке, а о том, что вечером ей предстоит ужин с мужем, и что она будет сидеть напротив него и улыбаться, и что он будет спрашивать, как прошёл день, и что ей придётся отвечать, и что это будет самый трудный ужин за последние годы, потому что сегодня она сделала последнее дело, которое

могла сделать, не думая о нём, а завтра начнётся то, чего она боялась больше всего: пауза, в которую ворвётся всё остальное.

Дома она успела приготовить ужин до его прихода: пасту с креветками, его любимую, - и поставила на стол в семь, и когда он вошёл, свежий и улыбающийся, она уже сидела с бокалом воды и смотрела, как он вешает пальто.

- Ну что, - сказал Марк, целуя её в макушку, - как там твоя великая битва?

- Подали, - сказала Вера. - В семнадцать пятьдесят восемь.

- Красиво, - он сел напротив и развернул салфетку. - Ну и отлично. Теперь ждать?

- Теперь ждать.

Он ел быстро и с аппетитом, рассказывал про свой день: встреча с юристами, потом переговоры, потом ещё какие-то дела, - и Вера слушала, кивала и смотрела, как он ест, и думала о том, что она знает о нём всё: как он жуёт, как морщит лоб, когда недоволен, как потирает палец, когда нервничает, - и что сегодня он ни разу не потёр палец, хотя должен был бы, потому что сегодня его жена подала заявку, которую его любовница собирается украсть, и если он об этом знает, он должен нервничать, а он не нервничает, он ест пасту и улыбается, и это значило только одно: он либо не знает, либо знает и уверен, что всё под контролем.

Она решила проверить. Она положила вилку, посмотрела на него через стол и сказала как можно небрежнее:

- Кстати, забавная история. Каскад разослал список участников питчей. Ты не поверишь: "Штрих" ведёт Настя Кузнецова. Помнишь её? Работала у нас, потом ушла в "Штрих".

Вилка Марка замерла на полсекунды. Полсекунды - это немного, но Вера смотрела на его руку, и она видела, как пальцы сжались на вилке и разжались.

- Настя? - Марк откусил пасту и проговорил с набитым ртом, не глядя на неё: - А, кажется, она там. Что-то такое слышал.

- Ты же с ней знаком, - сказала Вера. - Она была у нас на дне рождения летом. Помнишь, ещё такая, в синем платье, мы с ней в "Цветной" ездили за подарком?

- Не помню, - сказал Марк. - Мало ли кто был на дне рождения.

Он сказал это ровно, спокойно, и продолжил есть, и Вера посмотрела на его макушку, склонённую над тарелкой, и подумала: ты её целуешь, ты с ней спишь, ты ей сливаешь мои документы, а говоришь "не помню", и говоришь так чисто, что я бы поверила, если бы не знала, - и впервые за всю эту неделю она почувствовала не боль и не злость, а странное, холодное уважение к его мастерству: он врал так же хорошо, как она снимала, и если бы они встретились на конкурсе врунов, он бы взял гран-при.

После ужина Марк ушёл в душ, а Вера мыла посуду на кухне, когда услышала звяканье: телефон Марка лежал на столе, забытый, экраном вниз, и он звякнул, и загорелся, и

погас. Вера стояла у раковины с тарелкой в руках и смотрела на телефон, и внутри у неё всё кричало: не бери, не бери, не бери, ты же обещала себе, ты же решила - сначала тендер, потом всё остальное, тендер подан, а "всё остальное" ещё не началось, и если ты возьмёшь телефон, ты переступишь черту, после которой уже нельзя будет сделать вид, что ты ничего не знаешь.

Она вытерла руки. Подошла к столу. Взяла телефон.

Экран загорелся, и она увидела уведомление от "Настя К.", и сердце у неё ударило где-то в горле, и она нажала на уведомление, и телефон открылся на чате, потому что код она знала, и она стояла посреди кухни, в тишине, и читала последние сообщения.

"Настя К.: Она знает, что я веду Каскад. Список участников публичный, она не могла не видеть. Марк, если она догадается про остальное..."

"Марк: Не догадается. Она занята своей заявкой. Будь осторожна и не светись. И выиграй. Тогда всё будет проще".

"Настя К.: А если мы проиграем?"

"Марк: Мы не проиграем".

Вера перечитала это четыре раза. "Мы не проиграем". Он сказал "мы" - он и Настя. Не "ты" и не "вы". Он сказал "мы не проиграем" про тендер, который его жена готовила четыре месяца, - он был в этой игре, он был её частью, он был врагом, который спал с ней в одной постели, и она стояла посреди кухни в носках, с его телефоном в руке, и чувство-

вала, как изнутри поднимается что-то огромное, тёмное, горячее, и как она давит его, давит, потому что плакать нельзя, потому что сейчас вернётся Марк из душа, и нельзя, чтобы он увидел её с его телефоном.

Она сделала скриншоты. Три штуки, быстрыми, точными движениями. Потом стёрла следы, положила телефон на место, экраном вниз, ровно так, как он лежал, и ушла в ванную, и включила воду, и села на край ванны, и только под шум воды позволила себе заплакать - беззвучно, зло, вытирая слёзы ладонями, - и думала о том, что она плачет не из-за него, не из-за Насти, а из-за того, что четыре месяца её жизни, её бессонные ночи, её "мы сделаем это", её вера в то, что если сделать всё правильно, всё будет правильно, - четыре месяца были для них просто поводом сказать друг другу "мы не проиграем".

Когда вода стала холодной, она выключила её, умылась, посмотрела на себя в зеркало - глаза красные, но это можно списать на усталость, - и сказала себе вслух, глядя на своё отражение:

- Ты выиграешь этот тендер. Ты выиграешь его не потому, что ты лучше. А потому, что они украли у тебя всё, кроме одного: умения делать дело, когда никто не смотрит. А потом - потом мы поговорим.

Она вернулась в спальню. Марк уже лежал в кровати с книгой и поднял на неё глаза:

- Ты чего так долго? Я уже думал, ты уснула в ванной.

- Зачиталась, - сказала Вера. - Ложись, я сейчас.

Она постояла в дверях, глядя на него: на его гладкое, спокойное, любимое лицо, на книгу в руках, на телефон на тумбочке, экраном вниз, - и вдруг поняла, что смотрит на него в последний раз, как на своего человека. Завтра он станет просто человеком, с которым она живёт, - чужим, вежливым, опасным, - и от этого понимания ей стало так пусто и так легко одновременно, что она даже улыбнулась, и Марк увидел эту улыбку и спросил:

- Чему улыбаешься?

- Так, - сказала Вера. - Подумала: в понедельник питч. Всё начинается.

- Всё уже началось, солнышко, - сказал Марк, закрывая книгу. - Ты же подала заявку.

- Да, - сказала Вера, выключая свет. - Я подала. Теперь посмотрим, кто как умеет ждать.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.